

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 149—159.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 1. P. 149—159.

Научная статья

УДК 140.8(091)

DOI: 10.46726/И.2024.1.15

ФИЛОСОФСКИЕ СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА: ПЯТЬ КАРТИН

Эмилия Анваровна Тайсина

Казанский государственный энергетический университет,

г. Казань, Татарстан, Россия, Emily_Tajsin@inbox.ru

Аннотация. Эпоха эллинизма — очень долгий исторический период, и он весьма важен для понимания истории европейской культуры в целом и философской культуры в особенности.

Классические периоды обычно коротки: как любой взлет или пик, они занимают лишь десятилетия, максимум столетия. «Долины» же между этими пиками значительно длиннее: средневековье длилось 1000 лет, эллинизм, по разным оценкам — от 300 до 800 лет. То была эпоха гибели демократического полиса и утверждения империй: сначала, ненадолго, империи Александра Великого, затем, надолго — Римской империи, павшей только от нашествия остготов. Эти громкие политические события сказывались на мировосприятии и самооценке подданных, которым приходилось найти свою идентичность в новых антидемократических условиях.

Наши задачи таковы: во-первых, дать общую характеристику эллинизма с точки зрения его истоков, основных духовных опор и всевозможных «переходов» и переломов; во-вторых, кратко описать «оборачивание метода» применительно к превращению (философского) способа познания в (философское) течение/направление; в-третьих, продемонстрировать действие философских методов для написания основных пяти картин мира той эпохи.

Ключевые слова: эллинизм, демократия, империя, кинизм, скептицизм, эпикуреизм, стоицизм, неоплатонизм

Для цитирования: Тайсина Э.А. Философские способы описания мировоззрения эпохи эллинизма: пять картин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 149—159.

Царям честные люди подозрительнее,
чем дурные, и чужая доблесть всегда их страшит.

Гай Саллюстий Крисп

Введение

Эпоха эллинизма поистине очень интересный и важный период, во-первых, потому, что она длилась несколько столетий, в течение которых происходили мирозидующие события европейской истории, а во-вторых, потому что идеи, возникшие в то время, реверберацией отдаются в последовавшие века и даже тысячелетия, что незаменимо служит для понимания не только той удаленной по времени исторической эпохи, но и современности.

© Тайсина Э.А., 2024

Хоть и условно, эллинизм достаточно точно ограничен. Правда, разные исследователи отводят для него разные сроки. Так, А.Н. Чанышев указывает такие даты: «Начало периода эллинизма принято связывать с 338 г. до н. э. — годом военной победы Македонии над Грецией. Концом эпохи эллинизма считают 30 г. до н. э., когда перестало существовать, будучи оккупировано римским войском, последнее эллинистическое государство — ... Египет» [Чанышев: 7]. Но есть и другие оценки [Майоров: 320], к которым мы склонны присоединиться: эллинизм в начале ограничен созданием империи Александра Великого, а на излете — датой упразднения Западной Римской империи в 476 г. н. э., ибо эллинизм относится также и к Риму.

В первой трети II века до н. э. Македония раньше других греческих эллинистических государств становится провинцией Рима. К середине того века римляне разрушили (Карфаген и) Коринф. «Рим ввел во всех греческих городах единообразный политический строй во главе с проримской олигархией. Греция стала римской провинцией Ахайя» [Чанышев: 20—21].

Психологическая реакция на гибель того мира, что был прекрасно обустроенным и казался вечным, сильно различалась у людей, отличавшихся по воспитанию, общественному положению, темпераменту и характеру. К тому же долгая эпоха вызвала к жизни и дала время развиваться индивидуумам иного свойства, принимавшим империю за обжитое и тоже вечное государство. Мировосприятие варьировалось от бесперспективного протеста до умиления эклоги, которое сделало неоплатонизм (с примесью стоицизма) философской основой христианства.

В самой же философии общей чертой стал заметный крен от физики к этике, от теории бытия к учению о желательной жизни и способах достижения практического блага. Этот акцент заставил пристально отнестись к инструментам познания, что помогло выстраиванию новых учений.

Если очень долго и пристально всматриваться в каплю, она становится вселенной. Скажем, сенсуализм как способ организации знания может перерастить формат метода и стать *теорией* и даже философским *направлением*. Недоверие к показаниям органов чувств вызывает к жизни философский скепсис как серьезное учение, а в более близкое к нам время — агностицизм кантианства. С некоторой натяжкой можно говорить о том, что построение неоплатонизма в целом было вначале умозрительным антисенсуализмом.

Обнаружилось, что облечь эмоции в осознанное миропонимание помогает философский подход.

«Оборачивание метода» применительно к превращению (философского) способа познания в (философское) течение/направление

В своих «Математических рукописях» К. Маркс открывает или формулирует закон «оборачивания метода» в качестве диалектического закона.

Маркс занимался тогда проблемой обоснования основных понятий дифференциального исчисления, принадлежащего к одной из трех ветвей математики: математическому анализу. Его суть — исчисление бесконечностей. Алгебра позволяет только сформулировать понятие функции, а дифференциальное исчисление с ними «работает». Главные понятия дифференциального исчисления суть производная и дифференциал.

Первоначально дифференциал вводился (Лейбницем) лишь как символическое сокращение для нахождения производной некоторой функции. Маркс отметил, что дифференциальные символы, «возникающие первоначально лишь

как символические выражения алгебраически выполненных процессов дифференцирования, необходимо снова превращаются в самостоятельные исходные пункты, в символы операций, которые еще только предстоит выполнить, или в оперативные символы. Вследствие этого и возникшие на алгебраическом пути символические уравнения превращаются в символические оперативные уравнения» [Маркс: 55]. С того момента, когда дифференциал играл роль исходного пункта исчисления, до того момента, когда завершённое дифференциальное исчисление начинает само выступать в качестве исходного процесса нахождения правил функционирования абстрактных объектов (их введения и исключения), происходит «оборачивание метода дифференцирования» [Маркс: 57]. Поскольку при введении дифференциальных символов у Лейбница и Ньютона оставались невыясненными их корни, — а они являются алгебраическими — их удаление в пределах теории было математически не обоснованным. С этой точки зрения любой исходный пункт любого метода должен быть *обоснован* при помощи обращения к его происхождению, или основанию.

Рассуждая о философии Гегеля, Дьёрдь Лукач писал, например, что не некоторое первоначальное единство, а «восстанавливающееся равенство» или «рефлексия в себя самое в инобытии» есть то, что истинно. Это становление себя самого: круг, который предполагает в качестве своей цели и имеет началом свой конец и который действителен только через свое осуществление и свой конец.

Волюно или обобщенно трактуемое оборачивание метода таково. Субъективно-идеалистическое философское направление Кант превратил в свой оригинальный гносеологический метод. Диалектику как способ познания, включающую приверженность принципу всеобщей взаимосвязи и принципу развития (Ленин потом добавит ещё два: познавательных принципа: конкретности истины и «практического определения связи предмета с тем, что нужно человеку») Гегель обратил в наиболее разработанную теорию диалектики как философской науки. У Маркса и Энгельса много раз «оборачиваются» материалистически истолкованная диалектика и исторический материализм, достраивающий материалистическое понимание объективного мира до теории прогрессивного общественного развития на основе взаимодействия и борьбы производительных сил и производственных отношений. Маркс, и это очевидно, не раз превращает экономические исследования в математические — и оборачивает математику обратно в политэкономиию.

***

Если с пристрастием, тщательно и без спешки совершенствовать свой метод, то есть избранный способ получения, организации (в особенности организации!) познания (в особенности *научного* познания!), а также хранения, кодирования и декодирования с целью оптимальной передачи полученной информации — то он (метод) превратится в предмет интереса и внимания учёного, а следовательно, имеет все шансы стать теорией. Появятся категории в качестве предельных объяснительных абстракций, будет выработан язык для их воплощения и манифестации, постепенно обнаружат себя скрытые законы этого инструмента, метод станет методологией, а потом и методикой — научного исследования или преподавания. Или самостоятельной учебной дисциплиной («Методы и приборы контроля и экологический мониторинг», etc.).

Любой метод может стать -измом. Ставка на очевидность или умозраение, на волевое решение или созерцание, на терпение или протестное действие — а у Прокла даже на созерцание — оборачивается в перспективе развитым учением.

Литературная критика стала постмодернизмом. Перенос научного интереса с науки на повседневность породил постпозитивизм. Простейший логический анализ обернулся аналитической философией. И есть в ней сфера знания, в которой локутивный, иллюкутивный и перлокутивный акт превратились в теорию (у Джона Остина), обрели наименования, стали категориями, раскрыли свои закономерности и т. д.

«Оборачивание метода» можно применять и иначе: так, в работах автора этой статьи использовано не (обычно принятое) историческое, но *логическое* деление форм материализма на «объективный» и «субъективный», а точнее, *экзистенциальный*. Здесь происходит оборачивание метода (обычно принятого) деления идеализма, а общая материалистическая установка работает как универсальный философский подход, или предустановленный метод познания.

Но задолго до этого, пытаясь организовать, сохранить свои впечатления, найти соответствующее языковое выражение и передать человеку открывшиеся мировоззренческие знания, трудились философы эпохи эллинизма.

Пять картин философии эллинизма

Картина первая. Расцвет кинической литературы, её «золотой век падает на эпоху эллинизма, одной из отличительных черт которой ... является падение преград между Западом и Востоком, синкретизм локальных культур древнего мира» [Нахов: 9]. Язвительный и деятельный пафос киников воплотился в жанр диатриб (Бийон Борисфенский), которым будут пользоваться и ранние христиане, и Эразм Роттердамский, и Рабле.

«Точкой сборки» кинизма стала позиция городских низов, настроенных в принципе материалистически и даже атеистически. Философский способ организации этико-политических идей с этой позиции за миллениум обратился в самое влиятельное учение если не теоретической, то практической философии, выражение интересов угнетенных классов — единственное до марксизма.

Упомянем о творчестве Биона с берегов Борисфена (Днепра), ученика Кратета из Фив, (аhem, ученика Диогена из Синопы), которое пришлось на переходный период к новой эре. Оба выдающихся киника включали в свои «жалаящие» пародии цитаты из Гомера; поэтические строчки других авторов, игру слов, иронию, даже когда высказывались по серьезным поводам. Так оформился стиль кинической литературы: «как в области содержания, так и выразительных средств — антиконвенционалистская морализация, осуждение богатства, персональная сатира, острая и откровенная полемика с противниками, пародия, смелое словотворчество... народная... речь, перелицовка традиционных приемов и форм... и т. п.» [Нахов: 68]. Бийон утверждал, что дорога в Аид широка и удобна; Кратет советовал в критических жизненных ситуациях прибегнуть к веревке.

Язвительность киников и гнев римского плебса имели один и тот же духовный корень и политико-экономический источник: необходимость восстания против неравенства и угнетения. Поначалу взаимные распри часто происходили «по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов». Это улаживалось в рамках закона. Народ учредил магистратуру, назвал трибунов, призванных ее защищать. Но когда погиб трибун Тиберий Семпроний Грах с его сторонниками, вспыхнула гражданская война и продолжалась до диктатуры Суллы, а после него — Гая Цезаря [Историки античности: 523; 542].

Картина вторая. А.Ф. Лосев утверждал, что главный принцип скептицизма был заложен еще в «Тимее», с осознанием всеобщей материальной текучести, не позволяющей формулировать непротиворечивые суждения, а лишь правдоподобные. Из свободы суждений вытекает непоколебимость скептического духа.

Скептицизм развивался и в Средней Академии (315—241 гг. до н. э.). Аркесилай, её глава, утвердил критерий для успешной практической деятельности, приносящей жизненный опыт и ведущий к счастью. Этим критерием оказывается «эвлогон» — «благое слово», «благоразумие»: *выбирай то, что даст успех*. В 214—129 гг. главой Новой Академии стал скептик Карнеад. Философов заинтересовало теперь не теоретическое знание, а практическое освобождение человека ради свободы поведения.

Карнеад славился красноречием. В 156 г. до н. э. он возглавил афинское посольство в республиканский Рим и произнес там две ярких речи о справедливости [Маковельский]. Сперва он превознес эту высшую добродетель как самодостаточную цель: «мир хижинам, война дворцам»; на другой же день заявил, что это условное установление, и власть имущим такая добродетель не нужна, так как она не в их интересах.

Карнеад предложил собственный композитный критерий поведения. Первый способ проверки уместности — «пифанон», «вещное слово»: когда, обладая представлением (вещи), мы одновременно обладаем и самими собой как представляющими [Лосев: 30]. Второй способ — «апериспастон»: «нерастерянное» представление, достаточно устойчивое, чтобы не утратить своего качества (подобно «топосам» Аристотеля). Лучший ориентир — такая вероятность, которая установлена во взаимосвязи с другими [Там же: 31]. Кстати говоря, и Эпикур признает критерием «аналогию», т. е. связь данных и явлений чувственного восприятия [Асмус: 438].

«...Выражение “На всякое слово есть обратное” ведет за собою воздержание от суждения: если вещи противоречат друг другу, а слова равносильны, то из этого следует неведение истины. Более того, и на само это слово есть обратное, так как оно, опровергнув другие, оборачивается и разрушает само себя...» [Диоген Лаэртский: 384].

Еще один скептик, парадоксальный Энесидем, *догматизирует сомнение*. Известны его десять «тропов», показывающих невозможность познания: первые пять рассматривают кажимость со стороны субъекта (у различных существ различны наслаждение и боль, различны польза и вред от разных вещей и т. д.), последние пять — обманчивость видимости со стороны объекта (ничто не является само собой в чистом виде, а только в соединении, и т. д.) [Там же: 385—387; 541]. Энесидем, как бы не зная, что у Карнеада это был высший критерий истины, десятый троп формулирует, исходя из относительности: «а все, что соотносительно, непознаваемо само по себе» [Там же: 541].

Интересны и пять тропов скептика Агриппы, обладающих логическим характером: I — от разногласия; II — от продолжения в бесконечность; III — от связи; IV — от предположения; V — от взаимности. Лосев цитирует их по «Пирроновым положениям» Секста Эмпирика [Лосев: 36—37].

Секст Эмпирик, самый сильный из скептиков, педантичный и последовательный, подверг сомнению и свои собственные аргументы против догматиков. Его шесть книг «Против ученых» представляют собой строгие доказательства. Ср. содержательную критику определения человека: «Человек есть живое существо, разумное, смертное, способное вмещать в себя ум и знания». Секст

пишет: «Акциденция чего-нибудь отличается от того, для чего она акциденция... если различие акциденций даст два их вида, то мы никогда не найдем ни ту, ни другую тождественной подлежащему предмету». «Живое» и «смертное» не являются акциденциями: одно неотделимо от субстрата, а другое никогда не наличествует. Кроме того, и другие существа — живые, а, например, боги еще и разумны; попугаи могут говорить, а люди могут спать или утратить разум. Тогда «как оно по сведению воедино может создать человека?.. принципиально все не может сойтись в тождество, чтобы человек составил из всех (этих признаков)» [Секст Эмпирик: 115—117].

Есть у него и второй способ опровержения этого определения человека: формальный. «Или он имеет и постигает себя отчасти, отчасти же и являясь при этом искомым и познаваемым, как если бы кто предположил, что зрение само себя видит...» и т. д. Исчезает либо исследующий, либо исследуемое. «Остается, чтобы он подходил к самому себе не целиком, но создавал постижения самого себя в некоторой части. Но это опять относится к сомнительному» [Там же: 118—123].

Два его трактата «Против логиков» посвящены критерию истины. Главное требование, предъявляемое мышлению — его ясность и определенность. Это важно не только для науки логики, но и для выстраивания поведения, всегда вынужденного сделать выбор между А и не-А. Критерий поведения дает основание для выбора и избегания, для утверждения или отрицания существования и для различения истинного и ложного.

Схемы рассуждений Секста представляют собой практически гегелевские триады. Например: всякую вещь можно либо найти, либо не найти, либо только искать. Кто верит в существование истины, находит ее критерий либо в сфере разума, либо в сфере неразумного, либо в обеих. Но «...постижение не имеет начала: или потому, что не находится никакого первого, которое создавало бы постижение, или потому, что нет ничего, что могло бы быть постигнуто» [Там же: 123].

Почему Секст — «Эмпирик», а не «Скептик»? В.Ф. Асмус поясняет, что скептицизм времени Секста прочно сблизился со школой медиков, плотно изучавших чувственность ради врачебных целей. «В лице позднейших руководителей скептицизма... Секста и Сатурнина школа философского скепсиса сливается со школой врачей-эмпириков» [Асмус: 418]. Примерно так же в Новое время у Канта проявятся в «критический» период его естественнонаучные занятия, выполнив роль метода: метафизика его «эмпирична», гносеология скептическая.

Академический скептицизм постепенно смешался со стоицизмом у Филона из Лариссы (Четвертая) и у его ученика Антиоха из Аскалона (Пятая Академия).

Картина третья. Наиболее оптимистичное, светлое и спокойное мировоззрение сложилось у эпикурейцев. Сама личность Эпикура поразительна. Несмотря на слабое здоровье (у него был нефрит), философ всегда был позитивно настроен, добродушен в обращении со своими многочисленными адептами и эпистолярными единомышленниками. В «Школу сада» поступали все желающие единомышленники.

Физику, с точки зрения Эпикура, надо было изучать только ради этики, чтобы избавить человека от экзистенциального трепета бытия и в особенности «страха всех страхов» — смерти. Не надо бояться и боли: если она слабая, надо ее перетерпеть, а если сильная, то смерть не замедлит, унося страдание. Эпикур с его принципом атараксии, невозмутимости, похож в этом на прочих

философов эпохи. Вытеснение страдания и беспокойства является важнейшей целью познания. Наслаждение начинает пониматься как покой.

Главным способом познания были признаны ощущения, к которым должно питать полное доверие. Сенсуализм «работал» тогда как метод организации знания: о «сокровенном» мышлению следовало судить только на основании ощущений, которые совпадают с явлениями. Так, если корабль, удаляясь, становится маленьким как муха, это свидетельствует не о ложности чувств, а о дальности расстояния. В письме Эпикура Пифоклу сказано: «Не на основании пустых [недоказанных] предположений должно исследовать природу, но так, как того требуют видимые явления... если кто одно оставляет, а другое, в такой же степени согласное с видимыми явлениями, отбрасывает, тот, очевидно, оставляет область всякого научного исследования природы и спускается в область мифов». *Эпикур приветствует Пифокла*. [Материалисты Древней Греции: 189]. При этом Эпикур поясняет Пифоклу, что в отношении [небесных] явлений можно допустить множество объяснений их происхождения и несколько разных суждений об их бытии; единственное условие — отсутствие мифических допущений, их естественность и свобода от противоречий с опытом восприятия [Асмус: 433].

Логический критерий, который тоже существовал у эпикурейцев, характеризуется направленностью — интенциональностью, скажут современные феноменологи — представления (*προληψις*). Цель этой интенции в совпадении верифицируемого с определенным эталоном. Философ ищет обладания истиной осознанно: это «совместное с ней стояние», резонирующее состояние (*συχῆσις*). Вместе с тем Эпикур наследует теорию познания как отражения: «И всякое представление, которое мы получаем, схватывая умом или органами чувств, ...это есть форма [или свойства] плотного предмета, возникающие вследствие последовательного повторения образа или впечатления, оставленного образом. А ложь и ошибка всегда лежат в прибавлениях, делаемых мыслью [к чувственному восприятию] относительно того, [что ожидает] подтверждения или неопровержения, но что потом не подтверждается [или опровергается]». *Эпикур приветствует Геродота*. [Материалисты Древней Греции: 185]. Главная заповедь: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устаёт заниматься философией... Кто говорит, что еще не наступило или прошло время для занятия философией, тот... говорит, что для счастья или еще нет, или уже нет времени». *Эпикур приветствует Менекея*.

Кенос — «Сад» Эпикура — был продан после смерти основателя. Но в тот период уже и в Риме действовала эпикурейская школа, возглавляемая Филодемом с начала I века до н. э., в которой уже в I веке н. э. обучался Тит Лукреций Кар. Она была материалистической, а сам Лукреций стремился развивать эпикуреизм. Широко известная уже при его жизни поэма «О природе вещей» подтолкнула развитие философской мысли в Риме; при этом идеальная жизнь для Эпикура состояла в эскейпизме, уходе от политической деятельности, а Лукреций, напротив, наблюдая жизнь знати, открыто осуждает ее нравственные пороки.

Картина четвертая. Жизнерадостна этика счастья эпикурейцев; сурова этика долга стоиков.

Атомизм Демокрита, Эпикура и Лукреция встретил теоретическую оппозицию в лице пришедшего несколько позже стоицизма, вернувшегося к гилозоизму, сближенному с пантеизмом, на основании собственного способа организации знания. Недопущение страстей, рождающих страдание,

смушающих душу; терпение; *стойкость*. Путь добродетели узок, как канат: оступись на палец или на шаг — ты одинаково погиб. Главная установка стоиков в согласовании собственной воли мудреца с волей судьбы. Бесполезная борьба с судьбой лишь возмущает величественный покой души. Как скажет Луций Анней Сенека, согласного судьба ведет, несогласного — тащит. Он пишет в работе «О счастливой жизни»: «Пока мы суетливо бродим без проводника, прислушиваясь к шумихе вздорных криков, манящих нас к разным соблазнам, жизнь пропадает даром среди заблуждений... Главнейшая наша задача должна заключаться в том, чтобы мы не следовали, подобно скоту, за вожаками стада, чтобы мы шли не туда, куда идут другие, а [шли] туда, куда повелевает долг. Величайшие беды причиняет нам то, что мы сообразуемся с молвой и, признавая самыми правильными те воззрения, которые встречают большое сочувствие и находят много последователей, живем не так, как этого требует разум, а так, как живут другие...»*.

Героическая, мужественная стойкость этих «слуг долга» состояла в убеждении, что все в принципе устроено наилучшим образом, просто человеку это не видно, а точный смысл частных установок установить не всегда удастся — или невозможно. «Учение о строжайшей необходимости, по которой все происходит в мире, сочеталось с учением о совершенстве и целесообразности мира, в котором все его части, все тела и все существа зависят от целого, определяются целым и совершенством этого целого» [Асмус: 452]. Понятно, что этот подход противоположен эпикурейской этике, основанной на физике и допускавшей случайное отклонение атомов (*clinamen*), а следовательно, свободное поведение людей.

Космополитизм стоиков сложился сразу при Зеноне из Китиона, отчасти думается, потому, что он был метеком-киприотом. Космос стоиков — живое одушевленное шарообразное тело, как у Гераклита. Мир един, он заполнен, пустоты не существует, космос пронизан пневмой — одушевляющим его телесным дыханием, смесью воздуха и огня. Стоики утверждали, что *телосом* этого общего дома, полиса-космоса, является *эвдемония* (благополучие). Присущие человеческому духу недостатки и грехи указывают не только на индивидуальные случаи смятения души, но и на социальные несчастья, общие всем людям.

Этика стоиков «на протяжении более 500 лет несла такой мощный заряд мужества, что для многих поколений была смыслом жизни» [Реале, Антисери: 196].

Непроходимых границ между эпикурейцами и стоиками нет; для тех и других цель жизни — достижение счастья. Вместе с тем они использовали разные методы познания.

Картина пятая. Не надеясь на то, что в земной жизни можно найти или дождаться прихода блага, неоплатоники «устремляют взор свой от земли к небу».

Шедевром эллинистической классики стали «Эннеады» Плотина. Первоначально ученик Аммония Саккаса из Александрии, он основал собственную школу в III веке, которую, кроме него самого, прославил также Порфирий (Малх). Именно он развивал метафизику Плотина, поставив на вершину иерархии бытия трижды три ипостаси. Порфирий, кроме того, был прекрасным логиком, интерпретатором силлогистики Аристотеля (чьё дело продолжил «последний римлянин» Боэций, родившийся в 480 году). Во времена активной деятельности этой школы была достигнута следующая

* Seneca. De Vita Beata. I. P. 2—4. Цит. по: [Навстречу XXIII Всемирному...: 60].

максима: «Все находится во всем, но использует собственный способ, соответствующий каждому».

Последним «самобытным голосом» неоплатонизма был Прокл, выходец из Афинской школы, основанной Плутархом еще на рубеже IV—V вв. Творчество Прокла относится целиком к V веку. Он также поддерживал и разделял триадическое понимание интеллигибельного мира, введя в объяснение закона порождения всех вещей путем эманации божества при помощи трех ступеней: 1) самосохранение первоначала; 2) исхождение начала по причине переизбытка потенции; 3) возвращение его к самому себе. Произведенные вещи, имея сродство с первоначалом, также стремятся вернуться к нему. Я полагаю, что именно Прокл предложил наиболее оригинальный метод достижения единства с «Благом» в жизни, которую ничто земное уже не трогает: не активное действие, например, подвижничество, проповедь, прозелитизм, пост или молитва, но — *активность созерцания* как действенное экстатическое слияние с божеством.

«Пиррон, Эпикур, Зенон были движимы желанием сообщить людям атараксию, покой души и стабильность духа. Школа Плотина преследовала совсем иные цели: подняться над земным измерением жизни, оставить мирскую суету, чтобы объединиться в божественном, научившись созерцать его», достигая в кульминации экстаза единства с универсумом [Реале; Антисери: 243]. Бог ничего не «дарует»; люди сами, по своей природной силе и желанию, должны совершить восхождение.

В дальнейшем неоплатонизм смешался и слился с христианством. Трактат Прокла «Первоосновы теологии» был благосклонно воспринят средневековьем. Официальный конец античной и эллинистической философии — 529 г. н. э., год запрета язычникам иметь собственные школы императором Юстинианом.

Заключение представленной панораме эпохи эллинизма, по-видимому, не требуется; достаточно сказать, что то была эпоха, похожая на нашу, по крайней мере во всех существенных чертах. Более глубокое знакомство с нею должно помочь обрести самосознание и/или утраченную идентичность современным людям, «признать свои знамена». Современные неоплатоник и эпикуреец — это, например, казанские философы Георгий Авдошин и Эмилия Тайсина соответственно. Современный скептик — это любой философ повседневности, скажем, итальянский философ Лаура Бовоне, Миланский университет (собственно, весь современный релятивизм, включая аналитическую философию и даже постмодернистский фон, есть модификация скептического направления в философии). Наш современник, профессор Пелопоннесского университета, греческий философ Панайотис Элиопулос — стоик. Он утверждает, что в ситуации, когда мудрец не может повлиять на принятие решений или действия, предпринимаемые *не на высоком* моральном уровне, ему позволителен отказ от политики. «Иными словами, стоик делает выбор в пользу отхода от политической деятельности для того, чтобы защитить состояние апатии и атараксии, чтобы общественные дела не могли повредить его нравственности и мудрости. Персональная этика занимает самое высокое положение в аксиологической шкале Стои; мудрец должен защищать себя в первую очередь от порока и глупости» [Навстречу XXIII Всемирному...: 60—61]. И общая если не философия, то политика всех диктаторов: правь, иначе управят тобой.

Список литературы / References

- Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
(Asmus V.F. Ancient Philosophy, Moscow, 1976, 543 p. — In Russ.)
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 574 с.
(Diogenes Laertes. About the life, teachings and sayings of famous philosophers, Moscow, 1979, 574 p. — In Russ.)
- Историки античности: в 2 т. / сост. и прим. М. Томашевской. М.: Правда, 1989. Т. II. 640 с.
(Historians of antiquity: in 2 vols., Comp. and approx. by M. Tomashevskaya, Moscow, 1989, vol. 2, 640 p. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. I. С. 5—58.
(Losev A.F. Cultural and historical significance of ancient skepticism and the activities of Sextus Empiricus, *Sextus Empiricus. Collected works: in 2 vols*, Moscow, 1976, vol. 1, pp. 5—58. — In Russ.)
- Майоров Г.Г. Судьба и дело Боэция // Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М.: Наука, 1990. 413 с.
(Mayorov G.G. The fate and work of Boethius, Boethius. *Consolation from Philosophy and other Treatises*, Moscow, 1990, 413 p. — In Russ.)
- Маковельский А.О. История логики. М.: Наука, 1967. 323 с.
(Makovelsky A.O. History of Logic, Moscow, 1967, 323 p. — In Russ.)
- Маркс Карл. Математические рукописи. М.: Наука, 1968. 640 с.
(Marx Karl. Mathematical manuscripts, Moscow, 1968, 640 p. — In Russ.)
- Материалисты Древней Греции. М.: Политиздат, 1955. 238 с.
(Materialists of Ancient Greece, Moscow, 1955, 238 p. — In Russ.)
- Навстречу XXIII Всемирному Философскому конгрессу: Философия как исследование и образ жизни // Программа и материалы докладов международной конференции, посвященной 45-летию Казанского государственного энергетического университета / под общ. ред. Э.А. Тайсиной. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2013. 312 с.
(Towards the XXIII World Philosophical Congress: Philosophy as a study and a way of life, *Program and materials of the reports of the international conference dedicated to the 45th anniversary of Kazan State Power Engineering University*, ed. by E.A. Taysina, Kazan, 2013, 312 p. — In Russ.)
- Нахов И.Г. Киническая литература / вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Наука, 1981. 303 с.
(Nakhov I.G. Cynic Literature, introductory article by A.F. Losev, Moscow, 1981, 303 p. — In Russ.)
- Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. СПб.: Петрополис, 1994. Т. I: Античность. 336 с.
(Reale J., Antiseri D. Western Philosophy from the Beginnings to the Present Day: in 4 vols., St. Petersburg, 1994, vol. 1: Antiquity, 336 p. — In Russ.)
- Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. I. 309 с.
(Sextus Empiricus. Collected works: in 2 vols, Moscow, 1976, vol. 1, 309 p. — In Russ.)
- Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1991. 512 с.
(Chanyshev A.N. The Course of Ancient and Medieval Philosophy: Textbook for universities, Moscow, 1991, 512 p. — In Russ.)

PHILOSOPHICAL WAYS OF DESCRIBING THE WORLDVIEW OF THE HELLENISTIC ERA: FIVE PAINTINGS

Emily A. Tajsina

Kazan State University of Power Engineering, Kazan,
Tatarstan, Russian Federation, Emily_Tajsin @inbox.ru

Abstract. The era of Hellenism is a very long historical period, and it is most important for understanding the history of European culture in general and philosophical culture in particular.

Classical periods are usually short: like any rise or peak, they usually take only decades to pass, in some cases — centuries. The “valleys” between these peaks are much longer: the Middle Ages lasted for 1000 years; Hellenism, according to various estimates, up to 800 years. That was the era when democratic city-state perished and the empires were established: first, for a short time, the empire of Alexander the Great, then, for a long time, the Roman Empire, which fell only from the invasion of the Ost-Goths led by Alaric and Theodoric. These high-profile political events affected the worldview and self-esteem of the subjects, who had to find their identity in the new anti-democratic conditions.

Our tasks are as follows: firstly, to give a general description of Hellenism from the point of view of its origins, main spiritual pillars and all kinds of “transitions” and fractures; second, to briefly describe the “turning-around method” in relation to the transformation of a (philosophical) way of knowing into a (philosophical) current/trend; third, to demonstrate the effect of philosophical methods for painting the main five pictures of the world of that era.

Keywords: Hellenism, Democracy, Empire, Cynicism, Skepticism, Epicureanism, Stoicism, Neoplatonism

For citation: Tajsina E.A. Philosophical ways of describing the worldview of the hellenistic era: five paintings, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 1, pp. 149 —159.

Статья поступила в редакцию 01.05.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted 01.05.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 28.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Тайсина Эмилия Анваровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия, Emily_Tajsin@inbox.ru

Tajsina Emilia A. — PhD (Habil.), Doctor of Sciences (Philosophy), Distinguished Professor of the Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation, Emily_Tajsin@inbox.ru